

Вместо заключения

1. Легко ли быть женщиной-академиком?

Интервью доктора искусствоведения, профессора

Н.А. Нарышкиной-Прокудиной-Горской

корреспонденту журнала «Клио»

И.Л. Корсаковой, опубликованное в № 4 (31) за 2005 год.

К о р р.: Наталия Андреевна, Вы доктор искусствоведения, действительный член (академик) двух академий (Академии гуманитарных наук и Академии истории культуры), профессор Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

У Вас более 100 публикаций и восемь монографий.

Легко ли быть женщиной-академиком?

Н. Н.: И трудно и легко. Легко, потому, что я люблю свою специальность. Люблю искусство и студентов.

К о р р.: Как вы пришли к своей специальности?

Н. Н.: Первыми наставниками на пути моего призвания были мои родные. Бабушка Пелагея Петровна Нарышкина — учительница, и я с раннего детства хотела «учительствовать», как она говорила о себе.

Постарше захотела стать детской писательницей, как моя мама. В восемь лет я уже начала сочинять рассказы о школьной жизни.

Мы много ходили в театр, и я хотела быть артисткой, как великая Мария Ермолова.

Против этого категорически выступал мой отец Андрей Валентинович Помарнацкий. Он был научным сотрудником Эрмитажа и больше всего на свете любил живопись. Водил меня в Эрмитаж,

вставал возле какой-нибудь из своих любимых картин, и мы, благоговейно замолкая, начинали созерцать.

Такое молчаливое и неподвижное священнодействие продолжалось минут 10, а то и больше. Называлось это «вживаться в полотно». Давалось оно мне нелегко, но запомнилось на всю жизнь.

Теперь в моей работе, мне кажется, совместилось все, что было так дорого в юности, о чем могла только мечтать: я и учу, и пишу, и выступаю со сцены, и мучительно «вживаюсь» в исследуемые шедевры.

К о р р.: Вы окончили школу с золотой медалью. Вам помогла золотая медаль?

Н. Н.: Не медаль, а навык заниматься, стремиться все успевать, укладываться в срок, формировать свой день и т. д.

К о р р.: Как студенты относятся к Вашим книгам?

Н. Н.: Читают. Когда становятся специалистами, используют их, иногда соглашаются с моей концепцией, иногда предлагают свою собственную. Я этим горжусь. Ученики должны не повторять учителя, а самостоятельно идти к горным вершинам науки сначала за учителем, потом рядом, потом впереди. Только так может сформироваться научная школа.

К о р р.: Как Вы оцениваете уровень современной искусствоведческой науки?

Н. Н.: Большой вопрос. Помимо общих для всей современной российской науки трудностей есть и свои, специфические. Наука об искусстве находится на стыке с многими гуманитарными науками, прежде всего с исторической. Работы, касающиеся искусства, должны привлекать широкий историко-культурный фон, быть и научными и художественными одновременно.

Отечественное искусствоведение знает немало тому блестящих подтверждений, знает крупных ученых с государственным подходом к вопросам культуры и искусства.

Но будет большим лукавством сказать, что сегодня наука об искусстве переживает подъем. Все очевиднее намечаются две тенденции. С одной стороны — наукообразные работы, бездоказательные, но «зато» отягощенные иностранными терминами, которые, похоже, и самому автору иногда малопонятны.

С другой стороны — работы легковесные с претензией на внешнюю красоту слога: «Ах, как прелестно, ну просто изумительно!». В них шедевры искусства — история духа человеческого, история прожитых человечеством эпох — нередко трактуются как легкая беседа, а то еще светские сплетни и анекдоты. В этом потоке тонет порой собственно голос науки.

И тем не менее, обращение к отечественному культурному наследию, его высокому психологизму и гуманизму становится сегодня в ряд самых животрепещущих проблем современности, требует к себе самого пристального внимания.

Необходима государственная поддержка издательств, нужны регулярные конкурсы и выставки книг, посвященные отечественному культурному наследию, в том числе культурному наследию Петербурга.

Корр.: В своей книге «Художественная критика пушкинской поры» (1987 г.) Вы затронули вопросы историографии искусства. Как Вы считаете, существует ли сегодня историография искусства как наука?

Н. Н.: В этом плане от историков мы, историки искусства, сильно отстаем.

Хотя надо признать, что московская школа искусствознания понимает всю значимость данной проблемы.

В Петербурге с этим напряженнее. Искусствоведов, которые занимались бы специально вопросами историографии искусства, практически нет.

Меня не раз с недоумением спрашивали: «Как это — наука об искусстве? Искусство — да, это понятно, это картины, скульптуры, но наука об искусстве?.. Нет, не обессудьте, не понимаю». И это, заметьте, специалисты с высшим образованием.

Отсюда и диссертационная тематика, которая нередко сводится к одной лишь фамилии изучаемого мастера. Проблема никак не обозначается. Что наберется вокруг этой фамилии, то и хорошо.

Иногда даже в вузовских лекциях и публичных выступлениях можно услышать от лектора: «Такую картину я не повесил бы дома». Это не критерий! «Явление Христа народу» Александра Иванова, к примеру, или «Утро стрелецкой казни» Василия Сурикова, действительно, над кроватью не повесишь. Не для того их и создавали!

Эти произведения по своему духовному наполнению принадлежат даже не нации, не стране, а всему человечеству и требуют для своего постижения большого напряжения души и мысли.

Для специалиста без знания истории науки, в нашем случае — без истории «истории искусства» — невозможно и осознание современно-значимой проблематики, современных методов исследования и критериев явлений культуры.

Без прочной историографической базы размывается исследовательский искусствоведческий инструментарий, то есть наука как таковая перестает существовать.

Я бы обязательно ввела в художественных вузах «историографию искусства» как специальную учебную дисциплину.

К о р р.: Ваша книга «Петропавловский собор» (1997 г.), отмеченная грантом Российского гуманитарного научного фонда, явилась первой книгой об этом петербургском соборе за 150 лет. Она разошлась с прилавков в несколько дней. У нее была легкая судьба?

Н. Н.: Трудная. Она написана в 1977 году, а увидела свет в 1997, через 20 лет. Сначала не печатали, потому что не печатали о церковном зодчестве. Потом ничего не печатали, кроме развлекательной литературы.

В Петропавловский собор (филиал Музея истории города «Петропавловская крепость») я пришла работать научным сотрудником в 1971 году. Приближалось 300-летие со дня рождения Петра I. Мне поручили составить рекомендацию по оформлению могилы Петра I.

На мраморных плитах могилы были видны отверстия. Следовало определить их происхождение, а главное — первоначальный облик надгробия Петра I. Занимались этим до меня и военные историки. Ясно, что отверстия на надгробии следы крепежа. Но крепежа чего? И как же все-таки выглядела могила Петра I в XVIII–XIX веках, оставалось совершенно неясным.

В решении этой задачи помог именно историографический метод.

Я предположила: что бы ни устанавливалось на могиле Петра, это происходило, скорее всего, по большим историческим юбилеям.

Начала просматривать всю петербургскую периодику за два столетия по всем предполагаемым юбилейным датам: 50 лет со дня рож-

дения Петра I, 50 лет со дня рождения Петербурга, 50 лет Полтавской баталии, Гангутского боя и т. д., затем 100 лет, 150 лет, 200 и т. д.

Опубликованный в прессе прошедших столетий материал был огромным, запутанным, с множеством разночтений. Поработать пришлось много.

В результате мною была составлена историческая справка для реставраторов. В соответствии с ней и стали изготавливаться копии золотых и серебряных медалей, которые в течение двух столетий возлагались на могилу основателя города на Неве.

По моей исторической справке была сделана так же копия прижизненного бюста Петра I работы скульптора Карла Альбагини.

Интерес к этой «Неизвестной страничке надгробия Петра I» проявил английский журнал «Study Group on Eightheenth Century Russia Newsletter» и опубликовал на своих страницах две мои статьи на эту тему.

К о р р.: Ваши книги выходили под фамилией Нарышкина. Скажите пожалуйста, Прокудина-Горская — псевдоним?

Н. Н.: Это фамилия моего деда, маминого отца, Владимира Михайловича Прокудина-Горского. В 1920-е годы, во время Гражданской войны члены нашей семьи потеряли следы друг друга. В 2005 году мы нашли могилу Владимира Михайловича, и я взяла его фамилию.

К о р р.: По- моему, в одном из архивов Петербурга хранится изображение герба Прокудиных-Горских?

Н. Н.: Это древний дворянский род. С Куликовской битвы 1380 года ведет свою историю.

Наш далекий предок, татарский князь перешел со своей конницей из Золотой Орды к Дмитрию Донскому.

Видя его храбрость в бою, Донской наградил его землями «вкруг Москвы» и дал фамилию Горский — по одной из «гор» — возвышенностей Подмосковья.

Женил на молодой княжне Рюриковне, и для сына Горского и Рюриковны русская земля стала родиной. Когда же родился внук, прозванный Прокудою, этот род стал именоваться Прокудиными-Горскими.

И вот уже более полутысячелетия служат России Прокудины-Горские верой и правдой.

К о р р.: Из Золотой Орды вышли Годуновы, Аничковы, Арсеньевы, Языковы...

Н. Н.: Да, род такой же древний и, хочется надеяться, не забытый на Руси.

Многие поколения Прокудиных-Горских были гвардейцами. Дед мой Владимир Михайлович Прокудин-Горский кончил Кавалерийское юнкерское училище.

Прокудины-Горские, защищая Русь от польско-шведской интервенции, были воеводами во времена Минина и Пожарского. Отстаивая Россию от нашествия Наполеона, служили в ополчениях 1812 года. Участвовали в обороне Севастополя во время Крымской войны.

Оставили также свой след и в российской культуре.

Алексей Нефедович Прокудин-Горский прославился своей благотворительной деятельностью и дружбой с Серафимом Саровским.

Были среди Прокудиных-Горских и литераторы. В конце XIX столетия известный своим романом «Поездка в Карачевские болота» Георгий Прокудин-Горский описывал в своих произведениях дворянский быт, сцены охоты и т. д.

Еще раньше, в конце XVIII века Михаил Прокудин-Горский писал пьесы, комедии и, можете себе представить, «методическое пособие». Некоторые его произведения находятся в фонде Г. Р. Державина.

Родной брат моего деда Владимира Михайловича — Сергей Михайлович Прокудин-Горский изобрел цветную фотографию. Его называют «цвет России». Умер в Париже.

К о р р.: Ваши пожелания журналу «Клио»?

Н. Н.: Журнал «Клио» серьезно относится к вопросам истории и историографии, к самому широкому спектру проблем культурного наследия. Это большое и важное дело. Что я могу пожелать? Сделать рубрику «История культуры» постоянной в журнале. Ведь культура — это часть истории.